Исторический официоз и память народа: противоречие

Захватывающий сюжет Второй мировой войны — противостояние лучших солдат Гитлера (войск СС) и лучших солдат Сталина (сибирских дивизий) был засекречен и не изучался советскими историками. В художественных фильмах про войну эсэсовцы носили эффектную чёрную униформу с одним погоном на правом плече и с черепом на фуражке. Служили они либо в тайной государственной полиции — гестапо, либо охраняли концлагеря и травили людей в газовых камерах.

За этими скудными сведениями угадывалось нечто недоговорённое и окончательно зловещее. Но что? Нас не считали нужным посвящать в подробности

о «чёрной гвардии» фюрера. А такого персонажа, как воин-сибиряк, и вовсе не было ни в военном кино, ни в литературе. И архивы сибирских дивизий были засекречены и недоступны взгляду исследователей, как невидимая сторона Луны. В маршальских мемуарах, процеженных сквозь сито цензуры, сибирские соединения упоминались редко и скупо.

Официоз темнил и замалчивал, народ же, напротив, превозносил воина-сибиряка как ангела-хранителя. На вопрос о том, кто в 41-м отстоял Москву, переживший войну москвич отзывался: «Как кто!? Сибиряки, конечно!»

Это была такая же данность, как всегдашний аншлаг на спектаклях Большого театра. Как любой провинциал, командированный в столицу, придя к кассам Большого, я утыкался в табличку «все билеты проданы». Однако почти весь оперный репертуар я прослушал, потому что знал волшебное слово. Надо было только шепнуть интеллигентным седым старушкам-билетёрам, что ты приехал из Иркутска (Новосибирск, Омск или Владивосток тоже годились. Главное, что ты — человек из Сибири). Для старушек это было свято. Мне находили свободное место или ставили стул в проходе.

На мне лежал отблеск славы отцов. А самым почитаемым боевым генералом для жителей столицы был дважды Герой Советского Союза, командующий войсками Московского военного округа иркутский уроженец Афанасий Павлантьевич Белобородов.

В ноябре - декабре 41-го его сибирская стрелковая дивизия остановила в сорока километрах от Кремля и в тяжелейших встречных боях разбила панцер-гренадёрскую сверхэлитную дивизию СС «Рейх». За таковую баталию дивизия Белобородова была включена в первую десятку соединений, составивших советскую гвардию.

Позднее я узнал, что защита Москвы — не единственная победа сибиряков в Великой войне. Когда профессия привела меня в Сталинград — Волгоград, там от людей, прошедших сталинградское побоище, я узнал, что фактически величайшую в истории человечества битву на Волге выиграли мои земляки. Это было откровение.

От такого поворота темы голова шла кругом. Я предложил Центральному телевидению СССР сделать фильм-расследование о роли сибирских дивизий в Московском и Сталинградском сражениях. Мотивировал так: если народная молва подтвердится, это будет новая страница в истории Великой Отечественной.

Мою сценарную заявку отклонили. И не просто отклонили. Впервые за годы сотрудничества меня отругали «за местническую попытку перетянуть одеяло истории всенародного подвига на отдельную группу населения». Ругань была неуклюжая, явно не от сердца, а по чиновной обязаловке. Естественно было предположить, что тема особой роли моих земляков в войне табуирована не руководством Гостелерадио, а кем-то на самом верху. Там, где решают, что следует знать народу, а что нет.

Отказ обескуражил меня и заинтриговал. Интересно было выяснить, чем высокая боевая репутация сибиряков не угодна советской идеологии. Я «включил дурака»: стал изыскивать и подбрасывать начальству ЦТ СССР всё новые и новые аргументы в пользу исключительной роли моих земляков на фронтах Великой Отечественной. Нет, я не собирался давать повод заподозрить себя в опасном вольнодумстве. В своих посланиях я был верноподдан и демагогичен.

«Весь год долбил корягу дятел». Но не спятил (как в стишке), а продолбил. Мне таки дали разъяснение. Неофициально. В доверительной атмосфере, под водочку с соляночкой в уютном ресторане Центрального дома журналистов.

Наставить меня на путь истинный поручили человеку, чья фамилия значилась

в титрах пафосно-исторических сериалов Центрального телевидения. Если судить по этим условно-документальным полотнам, то в советской истории «окромя явлений счастья никаких явлений нет». Мой наставник редактировал эти сериалы, формировал их авторские коллективы. Если кто-то из сценаристов полагал, что кроме великих свершений имели место, скажем, незаконные репрессии, и настаивал на их отражении на экране, ему указывали на дверь.

— Давай на «ты», — сразу предложил мне наставник и после третьей рюмки доходчиво растолковал, что моя версия никому не нужна:

— Пусть Москву действительно спасли сибиряки. И что? В стране Советов никакая группа граждан не должна выделяться и торчать над толпой.

В подтверждение данного тезиса он по памяти цитировал правильные, идеологически выверенные закадровые тексты из фильма о Сталинградской битве:

— «Все республики послали к стенам Сталинграда своих сыновей». Обрати внимание, ключевые слова здесь «все республики».

— Как же, как же, — хмыкнул я. — Помню. Эта мулька даже зарифмована и положена на музыку. «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой». Ключевое слово «любой».

Не заметить издёвку было невозможно, но наставник и не думал обижаться. Глянул на меня беспечальными глазами и рассмеялся. Неясно только над чем: над дурацко-молодецкими виршами? Или над моим упорством, с его точки зрения тоже дурацким?

Передо мной сидел индивидуум, определивший себя формулой «Я не человек. Я — функция».

...Мой первый фильм о воинах-сибиряках «Сибирь стояла под Москвой» вышел на экраны через шесть лет после того, как виртуоз редактуры убеждал меня в никчёмности моей затеи. Правда, эту картину удалось сделать не в жёстко регламентированной системе Гостелерадио, а в чуть более либеральном ведомстве — Госкино.

Полететь на премьеру в Москву я не смог, но из иркутского землячества позвонили, что по крайней мере в одном кинотеатре (кажется, в «Ударнике») публика аплодировала стоя. На следующий год жюри Московского кинофестиваля присудило фильму второй приз — «Серебряного Пегаса».

Самое интересное, что с выходом фильма ко мне потекла информация о воинах-сибиряках. Без каких-либо усилий с моей стороны передо мной возникали ветхие орденские книжечки и ветхие же, оправленные в рамки, листки благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, а главное — живые люди, те самые, из легенды.

Их усаживали перед видеокамерой и расспрашивали, как они жили на войне. Из их рассказов и из военной хроники (советской и трофейной) сложился документальный сериал «Сибирские дивизии. Засекреченный подвиг». Легенда о воинах-сибиряках, словно дерево, выросла в историческую правду. В конечных титрах наших фильмов шли протокольные перечни сибирских частей, бившихся под Москвой и в Сталинграде. Ещё в этих картинах, наверное, впервые после войны прозвучали подлинные фронтовые песни. В них пелось: «От тайги, тайги дремучей, от Амура, от реки молчаливой грозной тучей в бой идут сибиряки». Или «Эх, Сибирь, Сибирь родная, за тебя мы постоим, волнам Рейна и Дуная твой поклон передадим».

После того, как «Засекреченный подвиг» вышел на телеэкраны, у меня на руках осталась масса интереснейших материалов, которые по разным причинам в

сериал не вошли. Более того, приток новой информации о войне ещё усилился. Незнакомые мне люди, посмотрев сериал, стремились поделиться со мной тем, что они слышали от своих родителей и родственников-фронтовиков.

Зачем на меня валится всё это? «Что мне делать с этими сведениями?» — спрашивал я себя, но удовлетворительного ответа не находилось. Впрочем, привычка ставить перед собой вопросы — занятие продуктивное. Настал момент, когда я понял, чего недостаёт в «Засекреченном подвиге». Из двух сторон смертельного противостояния (сибиряков и «эсэсов») я знал и понимал только одну — своих земляков. Как всякий мальчишка, рождённый в 45-м, я рос среди фронтовиков. У одного из моих школьных друзей отец был офицером Смерша, у другого — фронтовым хирургом. Мой школьный учитель физкультуры и военного дела был минёром. В моём дворе жили водитель пусковой установки гвардейского миномёта «катюша» и командир стрелкового взвода. Мой отец, два моих дяди, близкие знакомые нашей семьи — все участвовали во всенародной драме, известной нам как Великая Отечественная война.

От них я узнавал о войне то, чего никогда не решался сказать народу трусоватый и скудоумный советский официоз. Характеры моих земляков, составивших сибирские дивизии и армии, были мне знакомы по жизни. Но приходилось признать, что о характере их противников я знаю очень мало. Что это за люди были нацисты, если во всей Европе не нашлось армии, способной противостоять их военной мощи?

Достойные противники «сверхлюдям» Гитлера отыскались только в России. Точнее, в той её части, что зовётся Сибирью. Осенью 41-го неисповедимыми путями «чёрная гвардия» фюрера и сибирские части Сталина нашли друг друга. И после Московской битвы до конца войны немецкий генштаб будет очень внимательно отслеживать все перемещения самых опасных для вермахта советских соединений — сибирских. Их появление на каком-либо участке советско-германского фронта неминуемо сулило немцам наступление русских, прорыв, катастрофу.

И я погрузился в историю лучших соединений вермахта, которые с 1939 по 1941 год приобрели репутацию непобедимых. Сперва проштудировал «Историю дивизии СС «Рейх», той самой, что прошла Польшу и Нидерланды и в 41-м схлестнулась под Москвой с сибирской дивизией Белобородова. Затем — историю самой партийной армии вермахта — 6-й, где каждый пятый был членом НСДАП и с которой, по характерному выражению Гитлера, «можно штурмовать небеса». (Именно 6-я армия положила к ногам Гитлера Париж, Харьков и обещала ему взять Сталинград. Но помешали сибиряки.) Затем пришлось вникнуть в историю уникального сообщества СС и изучать всё — от порядка отбора и воспитания членов СС и их жён до отчётов организованной Гиммлером секретной экспедиции в Тибет. И теперь я, наконец, могу рассказать своим читателям о том, какого грозного противника одолели наши отцы и деды.

Часть первая

Оборона Москвы

До Кремля — сорок километров

Октябрь 41-го. Не прошло и четырёх месяцев войны, а половина европейской части страны захвачена врагом. И пока ещё не нашлось силы, способной удержать вал германского нашествия.

Ударные соединения вермахта уже занимают исходные позиции для штурма русской столицы. Общий смысл сводок Совинформбюро: мы сдаём противнику один город за другим.

С запада к Москве по Волоколамскому шоссе бредут колонны отступающих войск и толпы беженцев. Генерал Рокоссовский[1] носится на машине по Подмосковью, останавливает отступающих, наскоро сколачивает из них войсковые части и затыкает этими частями дыры в обороне. Независимо от принадлежности к какому-либо роду войск — танкисты без танков, лётчики без самолётов, артиллеристы без пушек — все отступающие становятся пехотинцами, спешно окапываются и ждут атаки противника. Сплошной линии обороны Москвы ещё нет...

Такова была обстановка на 28 октября, когда прибывшие из-под Хабаровска эшелоны 78-й стрелковой дивизии во главе с полковником Белобородовым стали под разгрузку на станции Истра в сорока километрах западнее Москвы. В это же время под Москву переброшена победоносная дивизия СС «Рейх». Но никто на войне не знает своей судьбы. И парни из СС в неведении, что какие-то сибирские мужики вдруг вырвут у них победу и отнимут жизнь.

Ещё до начала сражения за Москву Ставка Верховного Главнокомандования для подъёма боевого духа отступающих войск предприняла печально известный Ельнинский контрудар силами 24-й армии, которая выбила противника с плацдарма в Смоленской области, где вермахт накапливал силы для решительного броска на Москву.

Советская кинохроника 1941 года показала народу Ельнинскую операцию. Дикторский текст был следующий: «Ельня — первое наше контрнаступление, первый удар по фашистам. За счастье наших детей, за Родину дали свой первый залп гвардейские миномёты «катюша». Здесь наши солдаты впервые поняли и доказали, что непобедимую гитлеровскую армию можно бить, повернуть вспять. Под Ельней родилась советская гвардия».

Победные реляции в сводках Совинформбюро гремели три дня. И резко сошли на нет, словно и не было никакого наступления. Причины знало только высшее советское руководство.

Дело в том, что начало Ельнинской операции действительно было успешным. Наша 24-я армия решительно атаковала противника и отбросила его на семьдесят километров на запад. Но немцы оправились от удара; их воздушная и наземная разведка выяснила, что у наступающих войск нет ни резервов, ни тяжёлой артиллерии — проще говоря, у 24-й армии нет тыла. Она была обречена на поражение. Немцы окружили её и рассекли танковыми ударами на части. Дальнейшие действия немецкого командования диктовались опытом первых недель войны с Советским Союзом.

Этот опыт показывал, что соединения Красной Армии, попав в окружение, утрачивают управление и взаимодействие между частями, после чего деморализованные толпы красноармейцев сдаются в плен.

---

[1]*Рокоссовский Константин Константинович (1896–1962) — выдающийся полководец Второй мировой войны, Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза, кавалер ордена Победы и десятков других советских и зарубежных наград. В ноябре - декабре 1941 года командовал 16-й армией Западного фронта, защищавшей самое опасное направление немецкого наступления на Москву — Волоколамское. Разработчик и организатор стратегических операций по разгрому гитлеровских армий: «Уран» под Сталинградом, битвы на Курской дуге и операции «Багратион» в Белоруссии. После Великой Отечественной — министр обороны Польши, затем заместитель министра обороны СССР. Был любим армией за смелость, справедливость и человечное отношение к подчинённым. Благородство натуры Рокоссовского подчёркивает А.П. Белобородов в своих мемуарах. О Рокоссовском он пишет с необыкновенной теплотой и признательностью за уроки, полученные им от Константина Константиновича в первый год войны.*

И под Ельней немецкое командование направило по периметру окружения 24-й армии цепи автоматчиков, чтобы те разоружили наших бойцов, построили их в колонны и отконвоировали в лагерь для военнопленных.

Но здесь, под Ельней, этот сценарий у немцев не прошёл. У них ещё не было опыта контактных боёв с сибиряками. А окружённая 24-я армия состояла именно из сибиряков. В июне 41-го её сформировали в Новосибирске, причём формировали не из новобранцев, а из обученных воинов запаса — резервистов. И когда цепи гитлеровцев с закатанными рукавами, паля от живота (для испуга), приблизились к позициям окружённых сибиряков, то нарвались на убийственно точный огонь, на дружные контратаки... Разделённые части сибиряков пробивались навстречу друг другу, прорывали, где могли, и внешнее кольцо противника... Попытка пленить окружённых сибиряков стоила немцам многочисленных потерь. Но, получив отпор, немцы усилили блокаду 24-й армии и стали методически расстреливать её из орудий, из тяжёлых миномётов и бомбить с воздуха. Только единичные группы вырвались из смертельного кольца и пробились к своим. Бóльшая же часть из 150 тысяч воинов-сибиряков так и полегла в смоленских лесах, оплатив своими жизнями кратковременный успех. Ставке в это время было не до выручки окруженцев. Передовые дозоры немцев уже разглядывали в бинокли Москву[2]. Здесь уместно напомнить, что основным стрелковым оружием защитников Москвы в 41-м была винтовка конструкции Мосина образца 1891 года, слегка модернизированная в 1930-м. Во время Первой мировой войны это было отличное оружие: мощное, надёжное, пригодное для рукопашной. Но для Второй мировой войны практическая скорострельность — 10 выстрелов в минуту — уже была недостаточной. Винтовка морально устарела. А массового выпуска ППШ (пистолет-пулемёт Шпагина) наша оборонка развернуть ещё не успела. К началу битвы за Москву ППШ были вооружены не более семи процентов личного состава действующей армии. Правда, и основное оружие немецкой пехоты — винтовка «маузер» — имела сходные с трёхлинейкой тактико-технические данные. Но при этом военная промышленность Германии успела обеспечить до пятнадцати процентов своей пехоты надёжным пистолетом-пулемётом МП-40, который в нашей литературе ошибочно называли шмайсером. МП-40 давал немецкой пехоте большое преимущество в плотности огня. Темп стрельбы — 600 выстрелов в минуту — и всегдашний избыток патронов позволяли немцам в огневых контактах на дистанции до 200 метров прижимать наших пехотинцев к земле.

Представьте себе, что у вас мимо ушей вжикает целый рой пуль. Инстинкт самосохранения заставит вас распластаться; почему и говорилось так: немец головы поднять не даёт. А кроме качественного автомата МП-40 у немцев в каждом взводе имелся пулемёт МГ (позже эту модель эксперты признают лучшим пулемётом Второй мировой войны), и ещё в каждом батальоне — миномётная батарея.

При таком огневом превосходстве противника сибиряки предпочли воевать по ночам. Ночью к тому же ни «мессеры» не летают, ни танки не ползают. А пехота немецкая нервничает и палит наобум во тьму. Невидимые в темноте сибиряки совершали обходные маневры и внезапно для врага возникали там, где их никак не ждали. Судя по показаниям пленных гитлеровцев, их страшили ночные атаки сибиряков.

---

[2]*Распространённая версия о том, что немцы якобы видели Кремль — это, скорее всего, выдумка. Ближе, чем на 35–40 километров к центру Москвы дозоры противника не проникали, а с такого расстояния они просто не могли увидеть Кремль. В поле зрения немецких дозорных попадали колокольни храмов на окраине столицы, которые они ошибочно принимали за башни Кремля.*

Свой участок обороны дивизия Белобородова держала на Волоколамском шоссе, откуда танку час хода до Москвы, точнее до центра Москвы — до Кремля. Сталин лично контролировал волоколамское направление как наиболее тревожное.

...Зацепились наши за деревню Нефедьево. Она лежит по обе стороны Волоколамского шоссе. Вот свидетельство очевидца.

Писатель Евгений Воробьёв был в ту пору фронтовым корреспондентом:

— Я вспоминаю этот день в деревне Нефедьево, когда половина деревни была в наших руках, а вторая — занята фашистами. На околице стоял комдив-78, тогда ещё полковник Белобородов. И говорил (дословно): «Понимаете, браточки, ну некуда нам отступать, нет такой земли, куда бы мы могли отступить, чтобы нам, сибирякам, не было стыдно смотреть в глаза людям».

Итак, днём наступающий противник выдавливает белобородовцев из половины деревни, за шоссе. Обидно, а что поделаешь. Днём против миномётов и пулемётов с трёхлинейкой не навоюешь. Не добежишь, если в атаку пойдёшь. А ночью без криков «ура», безмолвно приближаются наши бойцы на бросок гранаты — и в штыковую. Конечно, ночная штыковая — предприятие очень рисковое. Но тут пулемёты и миномёты ничего не решают, и шансы у всех равны.

Вот и в Нефедьево, когда темнота свела на нет огневое превосходство врага, сибиряки пошли по избам, занятым немцами, и перекололи фашистов штыками. К утру вся деревня была нашей... Для немцев наступала другая война. Их наконец-то начали бить.

Комдив 78-й получил приказ при отступлении взрывать за собой железную дорогу и все хозяйственные объекты, чтобы они не могли служить противнику.

— Оттеснили нас немцы к городу Дедовску, — рассказывал Афанасий Павлантьевич Белобородов. — Сапёрный батальон капитана Волкова заминировал корпуса текстильной фабрики. Волков меня спрашивает: взрывать? Гляжу — здания добротные, дореволюционной постройки, грех рушить... Опять же бойцов эти взрывы обескуражат: поймут, что и Дедовск мы готовы немцам отдать. А противник рядом, в деревне Рождествено — километра полтора-два. Распорядился так: наблюдательный пункт дивизии развернуть здесь. Если немец оборону прорвёт и захватит город, взрываемся вместе с фабрикой. Отстояли мы тогда Дедовск, фабрика и сейчас работает, да.

Многие наши земляки — защитники Москвы — так никогда и не увидели её. А что касается комдива-78, иркутянина Белобородова, то он через 18 лет после войны станет командующим войсками Московского военного округа.

Но до этого надо дожить. А пока 78-я столкнулась на истринском направлении с дивизией СС «Рейх». В гитлеровской армии роль гвардии выполняли отборные, прекрасно обученные дивизии СС. Одна из них — дивизия СС «Рейх» — с начала войны, как штык, пронзила Европу. Её солдаты побеждали в Польше, в Голландии и в Греции и в 41-м году пришли к пригородам русской столицы. Её численность составляла 21,5 тысячи человек. 78-я сибирская дивизия насчитывала 14,5 тысячи солдат и офицеров.

Четыре недели было отпущено Белобородову, чтобы научиться воевать. Экзаменовали его командующий 4-й танковой группой вермахта генерал-полковник Хёппнер и командир панцер-гренадёрской (моторизированной) дивизии СС «Рейх» группенфюрер[3] Биттрих. Программу немцы предложили насыщенную. Бои шли непрерывно.

---

[3]Звание в иерархии СС. Соответствовало армейскому званию генерал-лейтенант.

Поначалу части СС, усиленные сотней танков, при поддержке бомбардировщиков пытались мощными фронтальными ударами сокрушить боевые порядки сибиряков и обратить их в бегство. Но сибиряки умели скоро, как кроты, закапываться в землю (если надо, взрывали мёрзлый грунт), умели сливаться с местностью и подолгу лежать недвижно, благо, одеты были в бараньи шубы и неуклюжие, но тёплые валяные сапоги. Их артиллеристы хладнокровно выбивают танки Хёппнера, а пулемётчики и стрелки с какой-то нечеловеческой точностью убивают наступавших пехотинцев. После первых рукопашных эсэсовцы Биттриха больше не горели желанием резаться с «сибирскими дикарями» (слова из письма немецкого солдата). Под Истрой им удалось ворваться на позицию противотанковой батареи русских. И что? «Чёртовы русские» артиллеристы стреляли по ним в упор из личного оружия до последнего патрона, потом похватали шанцевый инструмент — ломы, лопаты, кирки — и дрались, покуда их не свалили автоматными очередями.

За первые две недели боёв в атаках на участке 78-й стрелковой дивизии немцы потеряли убитыми и ранеными около двадцати тысяч солдат и офицеров, до семидесяти танков и бронетранспортёров, не считая автомобилей, орудий и другой техники. При этом результаты наступления были ничтожные. В удачные для себя дни противник продвигался вперёд на 3–4 километра. Сибиряки же, отойдя, закреплялись в заранее отрытых траншеях полного профиля и на выгодных орудийных и пулемётных позициях. Потери в полках Белобородова были на порядок меньше, чем у наступавших. Генералу Хёппнеру в своих письменных отчётах командованию группы армий «Центр» приходилось лукавить. Так, Ново-Иерусалимский монастырь Хёппнер именовал не монастырём, а крепостью[4]. Приходилось как-то оправдывать тяжёлые потери — свои и Биттриха. Ещё Хёппнер отмечал, что «у солдат дивизии СС «Рейх» появились личные счёты с 78-й дивизией русских». Во второй половине ноября у Хёппнера всё ещё оставалось достаточно сил, чтобы окружить зловредную 78-ю дивизию. Но разведка сибиряков вовремя заметила опасный манёвр противника, и дивизия успела выскочить из «мешка»...

Белобородов сильно досадовал, что пехота противника, посаженная на грузовики, бронетранспортёры и мотоциклы, обладает куда большей подвижностью, нежели его пешие полки. Преимущество немецких войск в количестве транспорта было абсолютным. Так, укомплектованная по штатному расписанию, дивизия СС «Рейх» имела 2,5 тысячи автомобилей всех видов плюс 1,3 тысячи мотоциклов.

А 78-я, как и любая стрелковая дивизия РККА по штатам 41–42 годов, располагала лишь 226 машинами и сотней мотоциклов. То есть колёс под немцами было в 11–12 раз больше. Кроме того, лошадей в пехотных соединениях вермахта было вдвое больше, чем в советских. По критериям германского генштаба дивизия со столь ничтожными (как у советской) транспортными средствами считалась годной лишь к караульной службе и не могла передвигаться самостоятельно.

Военные аналитики считают, что победы немцев в первые два года войны с Советским Союзом одерживалась почти исключительно из-за их превосходства в маневренности. Но, вопреки перевесу врага в числе колёс и копыт, «безлошадные» сибиряки ухитрялись не уступать немцам в подвижности. Тут надо вспом-

---

[4]Ново-Иерусалимский монастырь, построенный в XVII веке, мог бы служить крепостью разве что во времена пугачёвского бунта. Перед военными орудиями века двадцатого монастырские строения с их деревянными перекрытиями — не защита. Немецкие авиабомбы, артиллерийские снаряды и тяжёлые мины пронизывали старинные здания от кровли до подвалов. Освободив от немцев г. Истру, белобородовцы увидели, что на месте монастыря немцы оставили обугленные руины.

нить, что Сибирь с её просторами воспитывала людей лёгких на ногу. Недаром сибиряки вместо «сходить» чаще говорили «сбегать». При этом подразумевались переходы на десятки, а то и на сотни километров.

За беспечной формулировкой «сбегать» стояли вековые навыки сибиряков к преодолению пространств и своеобразное мироощущение, когда сто вёрст − не расстояние. Позже мы подробнее разберём вопрос, почему сибиряк обладал качествами, о которых нынешний экстремал может только мечтать.

…В штабе 16-й армии Западного фронта комдива Белобородова прозвали «генерал Бегом». Своим полковникам он внушал: «Единственный наш шанс — это воевать бегом». Полковники у Афанасия Павлантьевича были выше всех мер. И комбаты не хуже. Долгими зимними ночами они с бойцами «бегали» в глубокие рейды по немецким тылам.

Упорство и боевая злость сибиряков сбивали победный кураж с покорителей Европы. Русских, готовых героически умирать, не пятясь, эсэсовцы уже встречали. То были бойцы московского ополчения... Но такого противника, как сибиряки, немцы ещё не видели. Всё поведение сибиряков говорило о том, что они пришли сюда не умереть, а победить. Это новое обстоятельство смущало немецкие умы. Дома, в Германии, им объяснили, что славяне — неполноценная нация, не способная противостоять «расе господ». В соответствии с этой установкой поляки смогли продержаться только месяц, а чехи и словаки вообще не сопротивлялись. Сдали в целости и сохранности свои оборонные предприятия и вскоре наладили выпуск танков, орудий и стрелкового оружия для вермахта. И вдруг в России «неполноценные» противостоят. Да ещё как!

Впрочем, додумать эту мысль до конца суждено было лишь немногим военнослужащим СС «Рейх», которых провидение столкнуло под Москвой с сибиряками Белобородова.

Эффективной оказалась придуманная комдивом комбинация по взаимодействию разведки и артиллерии. Характерно, что Белобородов через всю свою жизнь пронёс признательность своим солдатам и офицерам 41-го года. Многих из них — и живых, и павших — он помнил по именам и считал самыми умелыми и отважными боевыми товарищами. По его отзывам, артдивизионы, приданные его дивизии, «были блеск». Их офицеры «не просто профессионалы — профессора». И дивизионные разведчики у него были не промах. Но этих из педагогических соображений он старался не захваливать, поскольку «они и без того хвастуны».

Комбинация состояла в следующем: разведка засекает формирование войсковых колонн противника и извещает о том пушкарей. Те в свою очередь устраивают скрытые засады на лесных дорогах, ведущих к Волоколамскому шоссе, — приоритетному для немцев направлению на Москву. Прогнозирование движений противника и координацию действий комдив возложил на оперативный отдел штаба дивизии.

24 ноября командиру артдивизиона Гарагану сообщили:

— В вашем направлении движется цель длиной в один километр!

Скоро майор Гараган увидел, как мимо позиций дивизиона проехали к Волоколамскому шоссе немецкие мотоциклисты — головной дозор; сама колонна ещё не показалась. Дождался, пока дозор, не заметив замаскированных в лесу батарей, вернулся назад, к колонне. Велел снять маскировочные сети и выкатить орудия из лесной чащобы − на прямую наводку.

Серенький бесцветный денёк сыпал редкими снежинками. Майор водил би-

ноклем вдоль подползающей колонны: колёсно-гусеничные бронетранспортёры с пехотой и орудиями на буксире, штабной автофургон с антенной, легковушка «опель», грузовики с пехотой же, ещё «опель»... Методично распределил цель на батарейные участки, указал их командирам батарей, и те побежали к орудиям; майор, выпучив глаза, проревел: «Бе-е-глый огонь!» и зажал уши ладонями.

Через десять минут «цель длиною в один километр» догорала длинным смрадным пожарищем, снежинки таяли на раскалившихся орудийных стволах... Так перестал существовать сводный отряд из восьмисот эсэсовцев, направленный командованием дивизии «Рейх», чтобы оседлать «дорогу в Кремль» — Волоколамское шоссе.

Существенный разведпризнак: противник завшивел

В ночь с 1 на 2 декабря в штабе дивизии находился командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков. Для уточнения оперативной обстановки он потребовал свежего «языка». И под утро начальник разведки доложил Белобородову:

— «Языка» доставили! Обер-ефрейтор, вон он красавец!

Комдив глянул и едва не ахнул: по воротнику шинели и по плечам «красавца» густо ползли вши, много вшей.

«Существенный разведпризнак», — отметил про себя комдив. «Языков» к нему на допрос таскали чуть не каждые сутки. И у комдива даже сложилась классификация. Каждый из них в момент пленения пережил шок: схвачен внезапно в расположении своей части. Мгновенно связан, во рту затычка − и уже волокут за линию фронта. Сами обстоятельства захвата довольно стандартны, но, оказавшись на допросе, «языки» вели себя по-разному. Один, отойдя от испуга, начинал безудержно болтать. Другой истерично грозился, требовал немедленно его расстрелять. Третий вообще каменел и не мог вымолвить ни слова...

Сегодняшний обер-ефрейтор, повязанный по-бабьи, накрест, платком, похоже, совершенно покорился судьбе и готов отвечать. Но самое интересное — это был первый завшивленный фриц. Следовательно, наши «пешки»[5] результативно бомбили немецкие тылы и раскатали все их походные прачечные, душевые и дезинфекционные камеры. Вот фрицы и скисли, потеряли дух и опустились. «А соорудить на скорую руку баньку из подручных материалов да попарить личный состав, да прожарить обмундирование — это только мои таёжники умеют. Фрицы ничего этого не умеют», — такие мысли пронеслись в голове комдива. Вслух же он сказал — адъютанту:

— Занесите эту подробность в журнал боевых действий: противник завшивел, — и — сержанту, приведшему пленного: — Обмахни с него вшей-то веником. Неловко его в таком виде к командующему фронтом...

Кавалер двух орденов Славы качугский уроженец И.С. Бутаков (в 1941 году рядовой) так вспоминал бои под Москвой:

— Эсэсы к нам приступали, ничё не скажу, отважно. Полроты мы им скосили, а они прут. Да грамотно так, попеременке, эти строчат, а те перебегают. И мино-

---

[5] *Так фронтовики называли пикирующие бомбардировщики конструкции Петлякова. В годы войны эти боевые машины выпускал Иркутский авиазавод.*

мётчики ихние кладут точно, бывало, что и в аккурат в траншею. А как они на бросок гранаты подберутся, мы выскакиваем им встречь и врукопашку. Здоровенные они, эсэсы, ну да и мы не из больницы. Справлялись.

Сибиряки измотают эсэсовцев маневренными боями, истребят почти девяносто процентов личного состава дивизии «Рейх», затем внезапно перейдут от обороны к наступлению и погонят врага на запад. Люди из Сибири одолеют «сверхлюдей» из Германии.

Замечу, что тогда Советский Союз ещё сильно уступал Германии в военных ресурсах. И победа была возможна только как некое былинное чудо. Роль богатырей выпала сибирякам — поколению наших отцов и дедов.

Два свидетельства о переломном моменте московской битвы представляются важными. Одно принадлежит цитированному выше рядовому Иннокентию Бутакову: «Два дня кряду немец долбил наши позиции всеми видами оружия. Головы не поднять. Лежим, злимся. На третий день приказ − вперёд! Как раз вовремя: рассердились мы сильно. Встали и пошли».

Другое свидетельство — маршала Константина Рокоссовского[6].

Рокоссовский вспоминал: «Сибиряки шли на врага во весь рост. Это был красивый удар, он спас положение. Значительный вклад в решающие бои внесла дивизия Белобородова...»

В первых числах декабря 41-го жена Белобородова Зинаида Фёдоровна услышала сводку Совинформбюро: «В Народном комиссариате обороны. За особые заслуги в обороне Москвы преобразовать 78-ю стрелковую дивизию в гвардейскую. Присвоить её командиру Белобородову Афанасию Павлантьевичу воинское звание генерал-майор».

Неприятным сюрпризом для Гитлера стали не русские морозы, а сибирские дивизии

После разгрома немецких войск под Москвой газеты и радиопрограммы фашистской Германии на все лады причитали об ужасных русских морозах. По официальной версии, единственной причиной поражения была названа русская зима.

Выглядело это глуповато. Получалось, что климат России был до войны засекречен и, только придя в Подмосковье, немцы впервые увидели снег. Однако никаких иных причин для объяснения катастрофы и провала плана молниеносной войны не нашлось. Людям из ближайшего окружения фюрера иногда казалось, что он сам уверовал в эту сказочку, спасительную для его самолюбия. В застольных разговорах Гитлер даже нафантазировал, что морозы достигали 50ºС.

В действительности, по данным Гидромета, температура в Москве и в области в ноябре и начале декабря не опускалась ниже минус 25ºС. Хотя, чтобы заморозить немецких солдат, не имевших зимнего обмундирования, и сковать параличом технику, не обеспеченную зимней смазкой и устройствами для подогрева моторных масел, вполне хватило и реальных 25ºС. Правда, и эти, по нашим понятиям, небольшие холода наступили одновременно с началом советского контрнаступления в начале декабря. А ноябрь, когда немцы ещё продвигались к Москве, выдался сравнительно тёплым. Среднесуточные температуры тогда стояли 5–8°С ниже нуля.

---

[6]В 41-м он командовал 16-й армией, куда входила и дивизия Белобородова.

Вопреки осторожным возражениям генералитета Гитлер верил, что его армии возьмут Москву до наступления холодов и перезимуют в тепле. Воевать с «генералом морозом» он вообще не собирался. Поэтому и не ставил перед интендантскими и техническими службами вермахта задач по утеплению армии и подготовке машин к эксплуатации в зимних условиях.

Настоящим сюрпризом для Гитлера стал не вошедший в поговорки злой российский климат, а сибирские дивизии. Именно сибиряки не пустили немцев в тёплые московские квартиры и вынудили их близко познакомиться с «генералом морозом».

700 тысяч погибших и сдавшихся в плен солдат и офицеров, 1300 сожжённых танков и 2500 разбитых орудий оставили немцы в «белоснежных полях под Москвой». Более 15 тысяч брошенных автомобилей, бронетранспортёров и артиллерийских тягачей достались наступавшим советским войскам. Это было первое поражение фашистской Германии с 1939 года, когда Гитлер развязал Вторую мировую войну.

За свой стратегический просчёт Гитлер заставил расплатиться двух генерал-фельдмаршалов: главнокомандующего сухопутными войсками вермахта фон Браухича и командующего группой армий «Центр» Бока. Оба лишились должностей. Также были сняты с постов командующие трёх танковых армий, неудачно наступавших на Москву: генералы Гудериан, Штраус и Хёппнер.

Комдив-78 сорок лет спустя

Дважды Герой Советского Союза генерал армии Афанасий Павлантьевич Белобородов в последние годы своей жизни находился на почётной пенсионной должности генерального инспектора Вооружённых Сил. Он и в старости был человек живой, яркий.

Феноменальное свойство Белобородова — ни в каких обстоятельствах он не позволял себе растеряться: ни в отчаянные моменты войны, ни в присутствии сильных мира сего — никогда и ни перед кем! Само по себе неудивительно, что боевой генерал, заслуживший особые отличия — две Золотые Звезды Героя и рубиновую Маршальскую[7] — обладает и особыми качествами. Мне посчастливилось видеть незаурядную личность в действии.

На восьмидесятом году Афанасий Павлантьевич впервые в жизни оказался на съёмочной площадке: студия имени Горького снимала художественный фильм про то, как в 41-м дивизия Белобородова обороняла Москву. Тут нужно пояснить, что непричастный к кинематографу человек, попав в студийный павильон, ощущает себя нечаянным посетителем психиатрической больницы: тот орёт в рупор, этот отбивает чечётку, а тот увлечённо говорит сам с собой. Какая-то телега катится по рельсам... Сумрачный мужик волочит кабель... Никто не обращает внимания ни на кого, каждый чудит сам по себе. Смысл происходящего новичок ухватить не может.

Белобородов цепко огляделся в этом киношном «бедламе» и, нимало не смущаясь, включился в процесс производства фильма. Режиссёр-постановщик прогонял перед ним сцену в блиндаже (актёры — в костюмах, в гриме) и допытывал: похоже или нет? Белобородов с великим вниманием всмотрелся, вслушался в актёров, кото-

---

[7] *Знак «Маршальская звезда» вручался Маршалам Советского Союза, генералам армии, адмиралам флота и маршалам родов войск.*

рые изображали его полковников и комбатов 41-го года, в «своего» актёра (исполнителя роли комдива Белобородова — Николая Цветкова) и выдал резюме:

— Время тогда шло быстрее.

Режиссёр посмотрел озадаченно, и Афанасий Павлантьевич пояснил:

— Мы тогда от жёсткой обороны без паузы перешли в контрнаступление. Ни часа передышки, даже перегруппироваться некогда было. Военной наукой такого не предусмотрено. Война заставила, Ставка приказала. Наступательный порыв немцев иссякал, выдохлись немцы. И бить по ним следовало немедля, пока они резервы не подтянули.

— В сценарии так и написано, — вставил режиссёр.

Белобородов кивнул ему и завершил свою мысль:

— Задача чрезвычайная. Усилий и энергии от дивизии она требовала тоже — чрезвычайных. Об этом в сценарии написано? Нет. На такое дело пришлось ожесточиться сердцем. Сцену в блиндаже — поэнергичнее.

Случись при сём психолог — охарактеризовал бы он Афанасия Павлантьевича учёными словами: концентрация внимания, быстрота адаптации и т.п. Но психолога не было, а наблюдавший диалог режиссёра с «прообразом» главного героя документалист Леонид Гуревич только восхищённо выдохнул:

— Во даёт дед!

Белобородов в свои восемьдесят мимоходом дал урок интеллектуалам и творцам: «Составили вы, ребята, сценарий из одних команд, духа времени-то и нет. Хотите правдиво войну изобразить — вживайтесь!»

Примите во внимание, что на понимание и оценку ситуации (совершенно для него новой) у «деда» было несколько минут.

В столице Белобородова любили и почитали. Народная молва обоснованно числила его спасителем Москвы. По собственному опыту знаю, что письмо на именном бланке А.П. Белобородова открывало двери в любые высокие кабинеты.

Жил он на Бронной, где его соседями по дому были секретари ЦК КПСС, члены Политбюро. И факт своего проживания рядом с высшей номенклатурой он комментировал простодушно:

— Знаете, Александр, из простых я тут один...

— Афанасий Павлантьевич, вы в детстве драчуном были?

— Неужели и сейчас заметно? — весело удивляется Белобородов; в глазах — озорство.

— Заметно, кто понимает.

— Знаете, Александр, нас у мамы семеро было, я — младший, да ещё ростом не вышел. Меня заскрёбышем дразнили, я обязательно драться лез. Отучились дразниться-то...

Афанасий Павлантьевич не стыдился своего крестьянского происхождения и не кичился им. У него был талант быть самим собой.

«Черты лица могут быть некрасивы... но работа ума и души, внутреннее благородство особым образом организуют лицо и сообщат его чертам гармонию», — такую зависимость внешности человека от его внутренней сущности вывел из многолетних наблюдений гениальный физиономист Лафатер[8]. Она объясняет, мне кажется, и облик генерала Белобородова, во всяком случае, после сорока лет, когда «человек полностью отвечает за своё лицо».

---

[8]Лафатер Иоганн Гаспар — швейцарский духовный писатель XVIII века. Прославился как провидец, умевший по лицу человека определить его сущность и предсказать будущее. Свои наблюдения и классификацию лиц Лафатер изложил в 3-томном труде «Физиогномика». Он искренне полагал, что по «Физиогномике» каждый желающий может научиться «читать в лицах судьбу». Со временем Лафатер убедился, что его книга совершенно бесполезна для людей, не обладающих природным даром. «Физиогномика» стала библиографической редкостью.

По фотографиям Белобородова, снятым в разные периоды жизни, можно проследить, как это круглое, от рожденья «деревенское» лицо со временем отчеканилось, «организовалось». Небольшие карие глаза прибавили выразительности. Обточились крылья носа. Переносье прорезала складка-дуга. Открытый смелый взгляд и волевой заряд во взгляде. И манера говорить — прямо, без тени двусмысленности. Такой облик и манера вызывают доверие у мужчин и притягивают внимание женщин.

А ещё Белобородов — это чутьё и чувство такта. Он никогда не переходил на «ты» даже с человеком, который по годам ему во внуки годился. Я замечал такую природную интеллигентность у выходцев из крепкой правильной деревенской семьи. Душевность, обстоятельность и обнадёживающая строгость...

Когда его внук Алексей, слушатель военной академии имени Фрунзе, взял в жёны женщину с ребёнком (мать-одиночку, как тогда говорили), Афанасий Павлантьевич на свадьбу ехать отказался. Консервативная православная мораль деревенской общины не жаловала женщину, родившую вне брака. Белобородов эту мораль впитал с детства и признавать невестку не пожелал. Впрочем, через год, узнав о рождении правнука, смягчился и повелел порученцу:

— Позвони Алексею. Пускай в воскресенье приезжает ко мне на обед. Со всей семьёй. И приёмыша пускай привезёт.

Журналистская работа знакомила меня со многими заслуженными военачальниками, и нередко они, говоря о себе, склонны были оперировать пафосными монументальными формулами: «я в 41-м защищал... я в 45-м освобождал». А вот Афанасий Павлантьевич, как дважды Герой Советского Союза, удостоился памятника ещё при своей жизни, но даже от этого не забронзовел.

Признавался, что бессонными ночами ему вспоминается не Витебск, где он стал Героем Советского Союза, не Кёнигсберг, где он получил вторую Золотую Звезду, а оборона Москвы:

— Конечно, воевать ещё толком не умел, и бывали ошибки.

Белобородов поимённо перебирал в памяти своих полковников, комбатов, командиров артдивизионов... Особо поминал лейтенанта-артиллериста и санинструктора батареи, тела которых, припорошенные снегом, увидел в начале контрнаступления под Истрой. Видно было, что они погибли, отбиваясь ломами от ворвавшихся на позицию эсэсовцев... Вспоминал разведчика-нанайца, который ночью прокладывал проход в минном поле и подорвался... Своих сапёров, что наводили переправу для дивизии через Истру в декабре, барахтаясь в ледяной воде, хлынувшей поверх льда сквозь взорванную немцами плотину водохранилища... Бравого старшину, который с тремя бойцами «взял на штык» в ночной темноте сельский клуб, где ночевали два десятка эсэсовцев... Живым благодарно припоминал их геройство и великую надёжность. И сам факт, что они остались живы, делал старого командарма счастливее. Командарм любил их — живых и павших. Перед павшими он винился: «Не было бы тех моих ошибок...»

Похоронить себя Афанасий Павлантьевич завещал на 41-м километре Волоколамского шоссе, рядом со своими солдатами, погибшими в 41-м году. Памятник велел сделать скромным, чтобы не выделялся среди солдатских надгробий. Что в точности исполнено.

...Белобородов был народен (в старинном значении этого слова), то есть любим армией, народом за смелость и талант побеждать, за то, что вся жизнь его была на виду и являлась служением Отечеству. Точно так же народны Суворов и генералы его школы — Кутузов, Багратион, Милорадович...

Часть вторая

Сибиряки в величайшей битве всех времен

Средняя продолжительность жизни — четыре часа

С августа 1942 года мир напряжённо следил за ходом величайшей битвы в истории человечества — Сталинградской. Здесь решалась судьба мировой войны, судьбы воюющих и завоёванных Гитлером государств. Для русского народа эта битва решала вопрос: жить ему на свете или не жить. Именно сибирякам выпало принять главную тяжесть и муку Сталинградского побоища. Из наших земляков почти полностью состояли 62-я и 64-я армии, которые как раз и угодили в самое пекло и сражались там с первого и до последнего дня.

Сталинград (до революции Царицын) — большой промышленный город, протянувшийся почти на 50 километров по течению Волги. И сражение в этом большом городе кипело тысячами отдельных очагов. Тут дерутся за цех тракторного завода, тут за жилой дом, тут за кучу развалин... При этом так интенсивно работали все виды оружия, что в иные дни в Сталинграде царил сумрак: тучи дыма и пыли заслоняли солнце. А ночи озарялись пожарами и вспышками разрывов. Это был ад, длился он полгода, и каждое мгновение кого-то настигала смерть. В течение полугода здесь почти никто не сдавался в плен, никто — ни наши, ни немцы — даже возможности не допускал уйти из Сталинграда. Здесь стояли только насмерть.

По штабной статистике в уличных боях и в атаках за Мамаев курган рядовой красноармеец жил и действовал на передовой в среднем четыре часа. Когда его убивали или ранили, его место занимал другой боец, и этому другому тоже было отмерено жизни четыре часа. И Сталин, и Гитлер запретили своим армиям отступать. Не каждый фронтовик сегодня помнит номер сталинского приказа — 227, но формулу этого тяжёлого приказа «Ни шагу назад!» военное поколение запомнило навсегда. Отступление без приказа, невзирая на обстоятельства, каралось расстрелом.

Почему, спрашивается, всё упёрлось в Сталинград? Очевидно, логические мотивы — обойти Москву с востока и отрезать европейскую часть СССР от Урала и Сибири — у Гитлера имелись. Очевидно, что у Сталина имелись причины, чтобы Гитлеру этого не позволить.

На этом очевидность и заканчивается. Успешное летнее наступление открыло перед Гитлером широкий стратегический выбор: идти на Волгу или штурмовать Кавказ и захватить нефтяные поля Каспия. Были и иные варианты, с точки зрения военных, беспроигрышные для третьего рейха. Но Гитлер был убеждён, что он справится с русскими армиями и на Кавказе, и на Волге. Гитлер не раз давал понять своему окружению, что его поступками руководит некая потусторонняя сила — грозная и мрачная. По христианским воззрениям, это была дурная, чёрная мистика.

Гитлер не скрывал, что слышит «голоса» и подчас материализовал их в стратегические решения. Так, вопреки аргументированной позиции германского генштаба — сконцентрировать силы и ресурсы на одном из стратегических направлений — фюрер решил наступать сразу и на Кавказе, и на Волге.

Причём на Сталинград он двинул свою лучшую армию — шестую — под командованием фон Паулюса. По характерному выражению фюрера, с такой армией можно было штурмовать небеса. Это были не просто слова. Именно шестая по-

ложила к его ногам Париж и Харьков. В ней сражались лучшие, испытанные солдаты фашистской Германии. Каждый пятый — нацист. Фюрер заклинал их взять Сталинград, и они обещали ему это сделать.

До тысячи бомбардировщиков ежедневно долбили город, выковыривая из руин его защитников. И Гитлер, и Сталин — каждый поставил здесь на карту свою политику, престиж, честь.

Унтер-офицер Вальтер сообщает своим родителям в Берлин: «Это — ад. Мы атакуем ежедневно. Если нам удаётся утром отбить 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно».

Старшина Афанасий Ощерин через шестьдесят лет после битвы ничего не забыл: «Первый бой под Сталинградом я вспоминаю такой. Мы прибыли на шестьдесят вторую переправу. Поняли сразу, что бой будет необычный, сложный, страшный. Смотрим — Сталинград горит, Волга в огне, разбиты все баржи, катера, пароходы, горючка с них вытекла и горит. И вот нам по этому огню приказано было переправляться на правый берег, к Мамаеву кургану. Кратковременный митинг прошёл. На нём присутствовал Василий Иванович Чуйков. Он и похоронен теперь там, на кургане. Василий Иванович приказал нам взять курган Мамаев во что бы то ни стало... Трупов было столько! И немецкие солдаты, и румынские, и наши! И когда мы всё-таки взяли Мамаев курган, выполнили приказ, я посчитал: из батальона нашего семнадцать человек осталось».

«Немец этого не выдерживал»

Из инструкции подразделениям 62-й армии Чуйкова по штурму отдельных зданий: «Уже внутри здания противник может перейти в контратаку. Не бойся! Ты уже взял инициативу. Действуй злее гранатой, автоматом, ножом, лопатой!» Отличная инструкция!

По словам командарма 62-й Василия Ивановича Чуйкова, на деле это выглядело так: «Когда мои солдаты сходились с немцами лицо в лицо и молотили друг друга чем придётся, немец этого не выдерживал». И снова из воспоминаний старшины Ощерина: «Что такое рукопашная, мне запомнится на всю жизнь, до самой смерти. Тут надо хорошо фехтоваться, тут только насмерть бьют. Из этого боя некоторые наши солдаты приходили белыми — седыми. А иные даже мешались умом. Там, в Сталинграде, никакой передовой не было. В каждом здании, в подвале, в окопе — везде огневые точки. Нам дали приказ выявить эти огневые точки, где какие есть: где миномёт, где пулемёт. И чуть эта разведка нам не стоила жизни. Вместо одной лощины пошли по другой и оказались у немца в тылу. Видим, что мы в окружении и будем уничтожены. Я притворился убитым. Измазал лицо кровью из раны — ранен был. Лежу. И вот подходят ко мне двое. Один наступает мне на живот ногой, берёт меня за кобуру, отрывает. Ну, думаю, сейчас выстрел будет. Или мать меня в сорочке родила, или что... Но эти двое пошли от меня».

«Спросите любого сталинградца, и вам скажут: на сибиряках всё тут держалось...»

62-й армией в Сталинграде командовал генерал-лейтенант В.И. Чуйков. После войны, уже будучи Маршалом Советского Союза, Василий Иванович в своих вос-

поминаниях перечислил все войсковые части, соединения, которые особо отличились в уличных боях и на Мамаевом кургане. В частности, стрелковые дивизии Батюка, Сологуба, Гуртьева, бригаду морской пехоты Антонова, отдельный полк НКВД — десятки частей, всё пребывание которых в сталинградском пекле было подвигом. Они проявляли чудеса жизнеспособности. Пикировщики немецкие их бомбят, а они придвинутся вплотную к позициям противника, и командование немецкое вынуждено прекратить воздушную штурмовку, потому что их бомбы начинают падать на своих. Или вот сибиряки затрудняются выбить немцев из здания, просят артиллерийскую поддержку: дайте гаубицу, а то немец из пулемётов бьёт плотно, не подойти. Надо шарахнуть стодвадцатимиллиметровым. Артиллеристы в ответ: «Гаубица есть, доставить не можем, тягач разбило снарядом». А гаубица тяжёлая, тонны две. И тогда сибиряки разбирают орудие и ночью на себе частями перетаскивают на огневую позицию. Там собирают и вышибают немцев из здания. И пока они держат противника в постоянном напряжении, Ставка подтягивает резервы и замыкает кольцо вокруг Сталинградской группировки немцев.

Среди этих геройских бригад и дивизий Чуйков называет сибирской только одну — 284-ю дивизию Батюка. Прочие — они вроде как не из сибиряков состоят. Но нам удалось установить, что почти все упомянутые маршалом дивизии всё-таки состояли из сибиряков. Ключ к этой закодированной информации дал нам ветеран Сталинградской битвы, ныне уже покойный Афанасий Иванович Ощерин (выше мною цитированный). Служил Ощерин в полку НКВД, влитом в состав армии Чуйкова, и ходил в рукопашную на Мамаев курган. От Афанасия Ивановича мы узнали, что этот полк был набран в 1940 году из жителей Иркутского сельского района, прошёл боевую выучку в Хабаровском крае и в 42-м брошен в Сталинград.

Стали уточнять у других наших ветеранов Сталинградской битвы: в каких именно частях они воевали и где эти части формировались. И постепенно открылся полный список частей, которые добывали победу в Сталинградской операции. Этот список очень велик. Он свидетельствует о том, что сибиряки составляли ядро нескольких сталинградских армий.

Рассказы людей, переживших сталинградское пекло, полны благодарности и преклонения перед воинами-сибиряками. Вот характерное свидетельство, одно из многих. Гамлет Даллакян в 1942 году — младший лейтенант батальона связи:

— На берег Дона нас вышло сорок пять человек, под моим началом. «Мессеры» налетели, сорок два человека погибли, осталось нас трое. Видим, что за Доном наши. Рассвело, и мы поплыли. И не столько плыли, сколько тонули. С нашей стороны заметили нас, поплыли навстречу. Здоровые такие ребята, сибиряки оказались. Я уже не мог держаться на воде, хватал воздух, и меня опять тянуло в глубину. Сознание терял. А когда очнулся — лежу на спине такого богатыря, он одной рукой меня держит, другой гребёт. Вытащил нас на берег всех троих живыми. Вы спросите у любого сталинградца, даже гражданского человека, все они скажут: на сибиряках тут всё держалось. Спасибо им…»

Вы спросите, зачем скрывался, затушёвывался подвиг наших земляков, зачем из маршальских мемуаров цензоры вычёркивали эту подробность? Таковы были требования идеологии. Вот характерный образец пропагандистского текста советского телевидения: «Вся страна послала к стенам Сталинграда многих и многих сыновей разных республик в ряды 62-й и 64-й армий». Пустовато. Но стандарт выдержан: все советские люди воевали одинаково хорошо, никто не должен был выделяться.

И снова главный козырь Верховного — сибирские дивизии

Теперь известно, что в Сталинградской операции участвовали тридцать три сибирских соединения, то есть дивизии и бригады. Это без учёта авиационных, мотоциклетных полков и отдельных батальонов, сформированных в Сибири.

Одиннадцать сибирских дивизий, бригад и сорок два полка за победу на Волге преобразованы в гвардейские. Сорок два полка — это в пересчёте на войсковые соединения соответствует тринадцати-четырнадцати дивизиям. Значит, из упомянутых тридцати трёх сибирских соединений (дивизий и бригад) как минимум двадцать четыре вошли в Советскую гвардию. Таким образом, именно сибирские дивизии во второй раз после спасения Москвы стали непобиваемым козырем Верховного Главнокомандующего.

Итак, фюрер не позволил своей любимой шестой армии заблаговременно убраться из Сталинградского котла. Это решение Гитлера по мотивации было так же спорно, как и предыдущее решение — летом 42-го наступать в двух стратегических направлениях одновременно. Шестая армия была обречена. И русский Бог, и русский мороз — всё здесь было враждебно германцам. И мёртвым им предстояло лежать в мёрзлой чужой земле. Сдающихся в плен Геббельс по радио пугал Сибирью. Но им уже было безразлично, где замерзать: здесь или в Сибири.

Из состава 6-й сухопутной и 4-й танковой немецких армий, а также из 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынских армий, 4-го воздушного флота и 8-го авиакорпуса люфтваффе, участвовавших в Сталинградской операции, противник потерял полностью тридцать две дивизии и три бригады (свыше восьмисот тысяч солдат и офицеров), почти две тысячи танков и самоходных орудий, три тысячи боевых и транспортных самолётов, двенадцать тысяч орудий и миномётов, свыше семидесяти тысяч автомобилей всех видов. Особенно стойко сражалась 6-я армия фон Паулюса. Она сдалась, только потеряв до семидесяти процентов личного состава и полностью утратив боеспособность. Для того чтобы охватить взглядом протянувшуюся на сотни километров панораму сталинградского побоища, пришлось бы подняться в космос.

Миллионы авиабомб и орудийных снарядов перепахали, превратили в безжизненный лунный ландшафт территорию, равную Соединённому королевству Великобритании с Северной Ирландией. В масштабе Земли — это планетарная катастрофа. Такие катаклизмы изменяют картину мира и сознание человечества.

Французы, радуйтесь! В Сталинграде русские отомстили немцам за Париж!

Победа в Сталинграде переломила ход Второй мировой войны: наступлению немцев был положен конец, фронт покатился вспять, на запад. США и Англия теперь смотрели на нас другими глазами. Из агонизирующего, как им казалось, государства, которому и помогать-то нет смысла, СССР сделался их главным стратегическим союзником по антигитлеровской коалиции. Объёмы поставок по ленд-лизу, до того почти символические, возросли многократно. А союзники Герма-

нии — Япония и Турция — отныне и слышать не хотели призывов Гитлера поучаствовать в боевых действиях против СССР. Оккупированная Франция радовалась: «В Сталинграде русские отомстили немцам за Париж!» Тут имелось в виду, что именно 6-я армия вермахта, за два года до своего разгрома на Волге, сокрушила оборону Парижа, промаршировала по Елисейским полям и стала пользоваться Францией как служанкой.

Характерно, что в завершающей фазе сталинградской операции немцы претерпели от нашей армии всё то, что мы претерпели от них в начале войны: танковые рейды по тылам противника на глубину до двухсот километров с захватом железнодорожных узлов, аэродромов и уничтожением на них всего и вся.

Так, в декабре 1942 года танковый корпус генерала Баданова прорвался к стратегической базе снабжения армии фон Паулюса на станции Тацинской западнее Сталинграда. Танкисты уничтожили на земле (на взлётных полосах и на железнодорожных платформах) свыше трёхсот боевых и транспортных самолётов люфтваффе и около ста пятидесяти вагонов с военными грузами, включая пятьдесят цистерн горючего.

Четверо суток танкисты Баданова блокировали аэродром, отбивая атаки втрое превосходящих сил немцев. К исходу 28 декабря у них оставалось только по 5–6 выстрелов на орудие. Горючее израсходовали полностью. Заместитель командира корпуса по технической части гвардии инженер-полковник Орлов составил коктейль из авиационного бензина, керосина и масел, на котором дизели «тридцатьчетвёрок» работали.

Истребив за время рейда 11 тысяч солдат противника и нанеся огромный материальный урон армии фон Паулюса, уцелевшие танки Баданова протаранили окружение и ушли к своим.

В Сталинграде совершилась метаморфоза: командиры различных рангов избавились от пугливой оглядки и паралича воли, навязанных им жестокими репрессиями комсостава предвоенных лет. Сталинград стал той решающей битвой, победить в которой они могли только «смертью смерть поправ». Как армия Петра I в войне со шведами мгновенно (в масштабе исторического времени) нарастила боевое мастерство и от поражения под Нарвой пришла к победе под Полтавой, так и Советская армия от поражений 41-го пришла к исторической победе в Сталинграде. При этом и в XVIII веке, и в XX нам противостояли лучшие армии Европы.

Разбирая действия Баданова, военные эксперты указывают на точное оперативное управление боем, эффективную разведку и управление огнём и, разумеется, на предприимчивость, проявленную при нехватке боеприпасов. Все захваченные у немцев противотанковые орудия танкисты по-хозяйски использовали при отражении танковых атак противника. Аналитики также отметили эффективную тактику маневрирования танками при налётах вражеской авиации.

После войны в Западной Германии были опубликованы воспоминания бывшего пилота люфтваффе Курта Штрайти «О тех, кто вырвался из преисподней». По его описанию, события в Тацинской выглядели так:

«Утро 24 декабря 1942 г. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолёты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди. Всё, что может бежать, двигаться, лететь, пытается разбежаться во все стороны.

Кто же даст приказ, куда направиться пилотам, пытающимся вырваться из этого ада? Стартовать в направлении Новочеркасска — вот всё, что успел приказать генерал.

Начинается безумие... Со всех сторон выезжают на стартовую площадку и стартуют самолёты. Всё это происходит под огнём и в свете пожаров. Небо распростёрлось багровым колоколом над тысячами погибающих, лица которых выражают безумие. Вот один Ю-52, не успев подняться, врезается в танк, и оба взрываются со страшным грохотом в огромном облаке пламени.

Вот уже в воздухе сталкиваются «юнкерс» и «хейнкель» и разлетаются на мелкие куски вместе со своими пассажирами. Рёв танков и авиамоторов смешивается со взрывами, орудийным огнём и пулемётными очередями в чудовищную симфонию. Всё это создаёт полную картину настоящей преисподней».

Сталинградская катастрофа потрясла Германию. Ни одно поражение рейха — ни разгром группировки Роммеля в Северной Африке, ни даже гибель танковых армад Гитлера на Курской дуге — не оставило таких шрамов на сердцах немцев.

Руины города на Волге и русская морозная степь вокруг стали одной сплошной могилой для полумиллиона лучших солдат вермахта и для трёхсот тысяч солдат Италии, Венгрии и Румынии. Ужасали обстоятельства их смерти. Гибли они не только от оружия, но от холода, голода, гнили заживо в смраде собственных нечистот. Сталинград заставил содрогаться и военное, и следующие поколения немцев, наводя их на мысль о собственной вине и неотвратимости возмездия.

«Снабжение питанием местных жителей является ненужной гуманностью. Никакие исторические и культурные ценности не имеют значения», — это из приказа по 6-й армии вермахта, хранящегося в музее-панораме «Сталинградская битва». Здесь же свидетельства жителей Сталинграда о том, как именно исполнялся этот приказ. «С нами в подвале пряталась молодая мать с грудным младенцем. Молоко у неё пропало. И от голодной смерти ребёнка спасал только мешочек манки, висевший у матери на шее. Немец увидел мешочек, подумал, что она там прячет драгоценности, и отнял. Увидев всего лишь горсть крупы, он с досады дал очередь из автомата, убив и женщину, и ребёнка».

Здесь сгорела армия Ленина — Троцкого и возродилась русская армия

«Никто и никогда не бился при Армагеддоне...» Но генеральная репетиция этой битвы, ожидаемой в конце времён, состоялась в Сталинграде.

В пекле на Волге окончательно сгинула Красная Армия Ленина и Троцкого. То, что не сгорело, переплавилось в Русскую армию. После Сталинграда наши военнослужащие получили новую (точнее, старую) форму: армии вернули дореволюционные знаки различия — погоны. Это был самый заметный (но не первый) шаг возврата к имперской военной атрибутике.

Ещё до войны для комсостава РККА были введены «царские» офицерские звания. В сентябре 1941 года был восстановлен институт гвардии. Сталин, как всегда, действовал постепенно и всегда точно выбирал момент.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) уникальна в истории тем, что создавалась не для защиты Отечества, а для подавления и уничтожения той части русского народа, которая по естественным причинам не приняла русофобской природы большевиков.

Антибольшевистские восстания казачества и крестьянства были подавлены с примерной жестокостью, по современным понятиям — геноцидом. Численность карательного контингента РККА только в малолюдной Сибири достигала четырёхсот тысяч штыков и сабель.

Назначенную ей братоубийственную роль Красная армия исполнила. И как мавр, сделавший своё дело, обречена была уйти в небытие. Гражданская война закончилась. И «красных героев» уже зачищали системно. В начале 20-х «при невыясненных обстоятельствах» были убиты самые одиозные командиры красных партизан, имевшие тёмное уголовное прошлое: Котовский, Каландаришвили, Щетинкин и др. В Сибири превентивно ликвидировали и партизанских вожаков помельче, чьи отряды бойко грабили в колчаковском тылу почты, кооперативы, а иногда и поезда на Транссибе. Этих чекисты отстреливали из опасения, что антиколчаковское движение может со временем повернуться против совдепов.

Бывшие пропагандисты-подпольщики, растлевавшие армию на фронтах Первой мировой, теперь гнили на нарах. В первые же дни Великой Отечественной их расстреляли. «Вступивший в сделку с лукавым да не сетует на обман».

Организатора Красной армии Льва Троцкого изгнали из СССР ещё в 1929 году. В последовавшее десятилетие репрессии перемололи уже девяносто процентов высшего комсостава РККА. В 1940 году палач добрался и до Троцкого. Остальное довершили 41-й год и Сталинград. Для многих соратников Сталина стало неприятной неожиданностью его решение о восстановлении патриаршества в Русской Православной Церкви. По сути, это был отказ от ленинского курса на богоборчество и уничтожение религии. Сталин вернул Церковь к участию в жизни страны. И партийным функционерам пришлось принять это как результат прагматических соображений Хозяина.

На оккупированной территории немцы инициировали возобновление деятельности приходских общин, закрытых до войны большевиками. Изголодавшийся по причастию народ валом повалил в храмы. Узнав об этом, Сталин не захотел уступать Гитлеру ресурс православного патриотизма. И повелел: пускай себе молятся и радеют о победе русского оружия. Вновь избранному патриарху Сергию он подарил «паккард». Что на самом деле думал при этом бывший семинарист Джугашвили, мы не узнаем никогда.

Тема «Сталин и мистика» циркулирует в виде многих версий и легенд. Есть среди них и такая, что ночами он якобы молился в Успенском соборе Кремля. Однако надёжных данных о религиозности Сталина нет. Стало быть, и нет смысла плодить домыслы на сей счёт.

Уверенно утверждать можно только одно: репутация СССР как атеистического государства Сталина больше не устраивала. С высокой степенью достоверности можно предположить, что у него имелись причины скрывать своё неприятие некоторых ленинских постулатов. В частности, в троцкистско-ленинскую химеру мировой революции Сталин не верил. Он верил в империю.

С его точки зрения, ленинский прогноз на братание всех народов в экстазе пролетарского интернационализма был иррационален. Но мумия Ленина ещё была «живее всех живых» и революционная химера владела умами миллионов коммунистов. Он с этим считался. И открыто опровергать догмы канонизированного вождя не рисковал.

Выморочные идеологические штампы оказались столь живучи, что даже страшные потрясения 41-го года не сразу отрезвили апологетов пролетарского интернационализма.

Так, бойцы дивизии Белобородова под Москвой с изумлением слушали приехавшего на фронт инструктора политуправления РККА относительного того, что «немецкие солдаты — это вчерашние немецкие рабочие и крестьяне. А значит — наши братья по классу. И наша задача — переагитировать их на нашу сторону». Здравомыслящие сибирские мужики на фантазёра из ГЛАВПУРа смотрели, как на деревенского дурачка — снисходительно.

Дурь о классовом родстве выбили из комиссарских голов сами «одноклассники». Массовые убийства мирных людей, включая женщин и детей, на оккупированных территориях, захват и отправка в Германию русских рабов, тотальное ограбление страны, в том числе и вывоз в рейх русских чернозёмов — всё это не оставило места для иллюзий даже у самых твердолобых интернационалистов-ленинцев.

Злая ирония истории выразилась в том, что политруки 41-го года вторили большевистским провокаторам года 17-го. Тогда большевики совместно с германским генштабом устраивали акции братания русских солдат с немецкими. Мотив классового родства эксплуатировался нещадно и вещественно подкреплялся угощениями с немецкой стороны: шнапсом, колбасой и сигарами. Грандиозные провокации и запредельно лживая пропаганда в армии и в тылу были оплачены немецким золотом и проведены большевиками при попустительстве Временного правительства Керенского. Так Ленин и кайзер Вильгельм (каждый в своих интересах) развалили русский фронт, когда победа России и её союзников уже была делом решённым.

Нет, политрукам 41-го[9] не привиделось бы и в страшном сне призывать солдат к массовому дезертирству (что успешно проделали большевики в 17-м). Но схожесть мотивов о пролетарском братстве очевидна. Только в 17-м это были предательство и провокация, а в 41-м — глупость и театр абсурда. Комиссарская дурь в начале войны нередко проявлялась и в маниакальной подозрительности к своим же бойцам и командирам. Здесь тон задавал главный комиссар РККА, начальник Политуправления и заместитель наркома обороны Лев Мехлис, которого некоторые современники считали безумным[10].

Под стать Мехлису действовали и его подчинённые. Бдительность в их исполнении больше походила на паранойю. Так, в 41-м будущую легенду Сталинграда, офицера без страха и упрёка Николая Батюка едва не расстреляли за... трусость. Тогда в боях на Украине полк Батюка отбил у немцев переправу через Северский Донец и продолжал удерживать её даже тогда, когда соседние полки под напором немцев отступили. Из чего дивизионный комиссар сделал вывод, что Батюк

---

[9] По счастью, далеко не все политруки РККА подвинулись рассудком на почве интернационализма. Эта навязчивая идея поразила в основном работников центрального аппарата ГЛАВПУРа. Командиры многих сибирских частей и соединений характеризовали своих комиссаров как достойных офицеров, являвших собой пример для подчинённых. В частности, очень ценил комиссара своей дивизии Бронникова генерал Белобородов.

[10] Константин Симонов в своих воспоминаниях о войне цитирует характерное свидетельство о «диком произволе» невежественного, но бешено энергичного Мехлиса в Крыму: «Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжёлую артиллерию и штабы армий на самую передовую... Три армии стояло на фронте 16 километров, дивизия (10–12 тысяч человек. — А.Г.) занимала по фронту 600–700 метров. Нигде и никогда я не видел такой насыщенности войсками. И всё это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал безумец...» Сталин был наслышан от военачальников о грубом и деструктивном вмешательстве Мехлиса в дела командования, но терпел его за собачью преданность. Однако когда Мехлис в 42-м дезорганизовал действия Черноморского флота и армии, из-за чего немцы захватили Крым, Сталин сместил Мехлиса с поста замнаркома обороны и понизил в звании.

замышлял... сдаться в плен. Героического полковника живо приговорили, и вскоре он без сапог и без портупеи уже стоял перед расстрельной командой. Но его солдаты, прослышав, что «Батю сейчас шлёпнут», примчались к месту казни и освободили своего комполка.

В конце 41-го Батюка назначают командиром сформированной в Томске 284-й сибирской стрелковой дивизии. А через семь месяцев обстановка вокруг Сталинграда уже была столь критичной, что для её исправления Сталин самолично отбирал сформированные в Сибири войсковые соединения, и в разговорах по ВЧ[11] обстоятельно расспрашивал их командиров о качестве и состоянии личного состава.

Лаконичные, но исчерпывающие ответы Батюка (дивизия укомплектована по штатному расписанию, обучена, большинство командиров имеет фронтовой опыт), видимо, устроили Верховного, поскольку он распорядился немедленно грузить дивизию в эшелоны.

В Сталинград дивизия Батюка прибыла 21 сентября, когда армия фон Паулюса уже завладела почти всей территорией города и Мамаевым курганом. Мало того, противник захватил ещё и пристань армейской переправы и тем самым прервал водное сообщение 62-й армии с «большой землёй». Подвезти продукты и боеприпасы, эвакуировать раненых стало невозможно.

Чуйков приказывает Батюку восстановить разорванную немцами в трёх местах оборону 62-й армии и выбить немцев с Мамаева кургана. А для начала сибирякам предстояло атаковать немцев прямо с воды, с Волги-матушки, чтобы очистить от них причалы и восстановить сообщение между правым и левым берегом.

Строго говоря, при абсолютном господстве немцев в воздухе и тройном превосходстве в танках, поставленная Чуйковым задача была невыполнима. Но Батюк и его сибиряки приняли её невозмутимо, как должное. Морским пехотинцам, пришедшим в дивизию в качестве пополнения, Батюк приказал навязать немцам, обороняющим пристань и участок берега, рукопашный бой.

Тихоокеанцы распахнули на груди гимнастёрки так, чтобы стали видны тельняшки, сменили каски на бескозырки, высадились с десантных барж в воду и показали немцам, какое это неблагодарное дело — драться с морпехами.

За три дня боёв сибиряки выполнили невыполнимый (для других) приказ командарма Чуйкова. Самой большой крови им стоил Мамаев курган. Потери дивизии с 21 по 24 сентября составили 1587 человек. Свой наблюдательный пункт комдив Николай Батюк перенёс на вершину кургана. Трудно было взять высоту 102, вошедшую в историю как Мамаев курган. Но не легче было удержать её в руках.

Курган был единственной возвышенностью над обширной степной равниной, где раскинулись Сталинград и его пригороды. Для наблюдателя, поднявшегося на курган, и город, и Волга, и Заволжье раскрывались как на ладони. В мирное время — прекрасная смотровая площадка. В войну — единственный пункт управления огнём артиллерии всех видов. В зависимости от того, чьи корректировщики — наши или немецкие — в данный момент находились на высоте 102, тот и контролировал и город, и подходы к нему, и переправы через Волгу. Поэтому за обладание курганом дрались без пощады, не считаясь ни с какими потерями.

О том, насколько крепка была оборона Мамаева кургана, свидетельствуют воспоминания немецкого офицера Г. Вельца: «...На русские оборонительные позиции обрушивается залп за залпом. Взлетают слепящие гирлянды снарядов. Там

---

[11]Правительственная и военная телефонная связь в СССР. Технология ВЧ обеспечивала режим секретности телефонных переговоров за счёт различных систем кодирования сигнала

уже не должно быть ничего живого... И вдруг в воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы уже считали уничтоженной. Глазам своим не верю. Как, неужели после ураганного огня там ещё жива оборона? Каждое мгновение мы видим, как валятся наземь наши наступающие солдаты, остальные несутся назад. Что за наваждение, уж не приснился ли мне этот бой?.. Заколдованное место!»

А вот ещё одно свидетельство, на этот раз адъютанта Паулюса полковника В. Адама. Беседуя в полевом госпитале с раненым в Сталинграде унтер-офицером, он услышал от него такое признание: «В сущности, здесь нет настоящих позиций. Русские дерутся за каждую развалину, за каждый камень. Нас всюду подстерегает смерть. Здесь ничего нельзя добиться бешеной атакой, напролом, скорее, сложишь голову. Мы должны научиться вести штыковой бой... До сих пор мы посмеивались над русскими, но теперь это в прошлом. В Сталинграде многие из нас разучились смеяться».

Итак, Сталинград задвинул в сторону лукавые мифы и вернул России её традиционные ценности, в первую очередь, историческую духовную опору — Православную Церковь. Спрашиваю себя: а пришёл бы Сталин к решению о церкви в иных обстоятельствах? Не факт. Но небывалое напряжение и смертельная опасность 1941–1942 годов привели его к некоему внутреннему сдвигу. А великая победа на Волге сделала его триумфатором, который мог позволить себе если и не всё, то многое.

Характерная подробность. Гитлер, будучи яростным богоборцем — сатанистом, до времени скрывал своё отношение к религии, поскольку большая часть немцев позиционировала себя христианами. Он даже стерпел публичное осуждение католическими епископами его акций «расовой гигиены» — убийств душевнобольных и детей с врождёнными уродствами. Но в своём близком окружении фюрер не скрывал, что будущая Германия будет «свободной от попов». И гордился тем, что ни один из лучших представителей нации, то есть членов СС, в церковь не ходит.

Таким образом, Гитлер и Сталин в отношении религии двигались на контркурсах. Один исподволь готовил её изъятие из жизни народа, другой, напротив, стал осаживать воинствующих безбожников, а потом и вовсе решил, что Советский Союз больше не будет атеистическим государством.

Полная версия книги «Сибирские дивизии. Засекреченный подвиг» на Персональном сайте иркутского журналиста, кинодраматурга Александра Ивановича Голованова: https://www.alexgolovanov.com/